

Хазиева Роза

Детство и юность Кадима

Повесть о жизни сироты в годы
Великой Отечественной войны

16+

Роза Хазиева

Детство и юность Кадима

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Хазиева Р. К.

Детство и юность Кадима / Р. К. Хазиева — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Это увлекательная повесть о детстве и юности моего отца, который остался сиротой перед Великой Отечественной войной и, несмотря ни на какие трудности, стал полезным Родине человеком.

© Хазиева Р. К., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Детство и юность Кадима	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Детство и юность Кадима

Автор Роза Хазиева

Моему отцу Хазиеву Кадиму посвящается...

Школа

«Учитель! Учитель приехал! Теперь у нас будет свой учитель! Мы будем ходить не к мулле в медресе, а в самую настоящую школу!» – истошно орал Салимгерей, несясь по улице, поднимая клубы пыли босыми ногами. За ним бежали несколько мальчишек помладше. Из-за пыли их не было видно, но можно было догадаться, кто эту пыль поднимает. Тем более, там, в густом облаке пыли, тоже громко орали, не умея сдерживать своей радости. На эти крики выскакивали из дворов ребята, с шумом присоединялись к несущимся по улице. Ватага росла. Даже если б не было повода, мальчикам было очень весело бежать в солнечный день гурьбой, вопя изо всех сил и толкая друг друга. А тут был повод – в деревню приехал из города учитель. Значит, первого сентября, как и было обещано председателем колхоза, мальчишки начнут учиться в школе!

Все уже знали, где будет школа. Это – дом раскулаченного Хисматуллы. Хозяина этого дома ещё прошлой осенью со всей семьёй отправили в Сибирь. Туда ему и дорога! Очень жадный был! В колхоз вступать не захотел, всю свою скотину погубил, лишь бы не отдавать в артель. Вот и стоит его дом пустой. Теперь там будет школа.

Салимгерей, а для мальчишек просто – Салим, добежав до конца улицы, повернул к будущей школе. Все остальные сделали то же самое. Отстал только маленький Кадим, потому что при крутом повороте, немного не рассчитав силы, упал в пыль лицом. Заболела нога – подвернул, кажется. Пыль улеглась, а Кадим продолжал сидеть на дороге.

Вдруг ватага развернулась и, во главе с Салимом, шумно стала приближаться к Кадиму. Это Салим заметил, что Кадим куда-то делся, и, ничего не сообщив своей команде, побежал обратно. Мальчишки не поняли, в чём дело, но понеслись за ним. Так было всегда – среди деревенских мальчишек Салим – самый главный, его все слушаются. Во-первых, он старше всех бегающих по улице бездельников. Ему одиннадцать лет. Остальные деревенские мальчишки его возраста давно уже впряглись в хозяйственные дела и работают наравне со взрослыми с раннего утра до поздней ночи. А этому повезло – его отец балует. Салим родился у родителей очень поздним ребёнком, после многочисленных дочерей. Поэтому отец в своём сыночке души не чаёт. К тому же отец Салима – не бедный человек. Может и нанять деревенских, если помощь в хозяйстве потребуется. Вот и бегают его сыночек по улицам, собрав компанию из тех, кто поменьше. Поэтому Салим у них – за главного. Не только поэтому, конечно. Салим умеет придумывать всякие интересные занятия. Всегда он решает: чем займутся сегодня, куда пойдут – на речку ли, к роднику ли, к скале ли, за чем отправятся – за земляникой ли, за черёмухой ли, в чей огород залезут, в какие игры будут играть. Но у беззаботного Салима есть всё-таки одна забота. У него есть «хвостик». Это – его сосед, шестилетний Кадим. Родили же соседи этого Кадима на его голову!

Отец Кадима, а, вообще-то мальчика зовут и не Кадим вовсе, а Габделькадим, только никто его так не называет, и отец Салима – добрые соседи, прожили всю жизнь рядом, за смежным забором. Выросли вместе, оба женились, и сейчас живут, помогая друг другу переносить жизненные тяготы. А горя было много. У отца Салима рождались только девочки, и уже только ближе к старости родился сын. А у отца Кадима, Хазия, жизнь была ещё тяжелее. Дети рождались и умирали, некоторые – сразу же после того, как родились, некоторые – прожив несколько месяцев, или год. Двенадцать детей они похоронили. Тринадцатым родился Кадим. Хатиме,

жене Хазия, в тот год исполнилось 42 года, а Хазию – 46! К тому времени они уже ни на что не надеялись, не очень-то верили, что этот выживет. Смирненно ждали, что будет. Но Кадим не умер ни в первый год, ни во второй, ни в третий, и у родителей затеплилась надежда. Мальчик рос, этим летом ему исполнилось шесть лет.

Когда Кадиму было ещё только четыре года, как-то летом девятилетний Салим увидел в щель, как тот играет на своём дворе: что-то мастерит и разговаривает сам с собой. Тогда Салим взломал одну доску в заборе между двумя дворами и зашёл к Кадиму. Стоило так сделать – чего только у Кадима здесь не было! Он играл в кладбище – хоронил кукол, сделанных из соломы. Всё было по-настоящему – и могилы, и мулла – сам Кадим, и плакал он по-настоящему, закапывая мёртвых кукол в землю! Салиму тоже захотелось поиграть в такую интересную игру. Тогда Кадим велел ему копать ямы сломанным ножиком. Земля была твёрдая, но копать было приятно – как никак, это – могилы. Салиму игра очень понравилась, хоронили они до позднего вечера, вдоль забора выросло большое кладбище. Кадим рассказал, что раньше он хоронил мёртвых цыплят по просьбе матери, а это намного интереснее, чем хоронить кукол. Но цыплят больше нет, поэтому приходится готовить кукол из соломы. Салиму было удивительно: и почему ему самому такое в голову не приходило? Ведь у них тоже бывает, что цыплятадохнут! Выдумщик этот Кадим!

С тех пор мальчики часто стали играть вместе, подружились. Убежали со двора тоже вместе. Только и свой отец, и отец Кадима, Салима строго-настрого предупредили: нигде Кадима не оставлять, всегда и везде таскать с собой. Не обрадовался Салим такой обузе, но и не стал отказываться. Иногда, бывало, отдубасит его от злости, что приходится всё время о нём печься, и прозвище ему придумал обидное – «Хвостик». Но терпит – везде с собой таскает и никому в обиду не даёт. Вот и сейчас, заметив, что Кадима нет, Салим побежал обратно. Увидев, что тот сидит в пыли, яростно заорал: «Ты чего уселся? Вставай! Нам в школу надо!» Узнав, что Кадиму больно идти, Салим велел двум мальчикам постарше дотащить Кадима до дому, а сам повёл ватагу к школе – к дому кулака Хисматуллы.

Первого сентября, надев лучшие одежды, мальчики в возрасте восьми-одиннадцати лет отправились в школу. Когда нарядно одетый Салим вышел за ворота и чинно зашагал по улице, из своих ворот выскочил Кадим, совершенно не нарядный, с босыми ногами, и засеменял рядом. «Пошла домой, мелочь, – процедил сквозь зубы Салим важно, – тебе ещё рано». Кадим молча продолжал шагать, чуть отстав. «Пошёл, говорю! Мне что, побить тебя, что ли? Сказано же тебе – берут только с восьми лет, а тебе ещё только шесть!» – рассердился Салим. Но Кадим не отставал. И что с ним теперь делать? Можно было бы поколотить, конечно, но, чего доброго, тот начнёт пытаться сдачу давать, испачкает новую одежду Салима. Ну его, решил Салим, пусть идёт. Так и пришли в школу вдвоём.

Заходя в школу, оба были разочарованы. Это был обыкновенный деревенский дом, только большой, уставленный разного размера и разной масти столами и табуретками. Небось, по всей деревне собирали, у кого что лишнее. Единственное отличие от избы – между двумя окнами на передней стене висела чёрная доска. У доски стоял большой стол. Понятно было, что туда проходить нельзя – это место учителя.

Мальчики прошли и сели за свободный стол. С интересом стали рассматривать других ребят. Тут зашёл в дом высокий мужчина в чёрных брюках и белой рубашке. На голове у него была вышитая тюбетейка. Он прошёл к чёрной доске, поздоровался, сказал, как его зовут. Имя у него было необычное: Юсуп. В деревне людей с таким именем не было. Но ребята тут же запомнили. Учитель сказал, как к нему можно обращаться: Юсуп абый. Потом учитель сказал, что, чтобы научиться читать, первым делом надо запомнить буквы. Нарисовал на доске большую букву А. Достал из своего мешка листы и карандаши, стал раздавать ребятам, проходя меж столов. Очередь дошла до Кадима. Тут учитель остановился и строго уставился на него. «А ты чего здесь делаешь? Тебе известно, что в школу принимают детей с восьми лет?» –

спросил учитель. Кадим так сильно испугался, что не смог ничего сказать в ответ. «Вставай и иди домой! Придёшь, когда тебе исполнится восемь лет!» – сказал учитель. Кадим не мог пошевелиться от ужаса, не то, чтобы встать и уйти домой. Тут заговорил Салим: «Пожалуйста, не выгоняйте его, учитель. Он за мной увязался. Пусть посидит уж сегодня. Если сейчас вы его одного отправите домой, мне влетит и от его отца, и от моего. Он – мой сосед. Мы далеко отсюда живём. Будьте уверены, уж завтра я найду способ, как от него избавиться». Учитель ничего не ответил, молча положил перед Кадимом листок и карандаш, пошёл дальше.

Раздав всем листочки, учитель дал задание написать целую строчку буквы А. Наступила тишина. Все стали старательно выводить буквы. За это время учитель Юсуп пересчитал присутствующих, не включая малыша. Получилось двадцать восемь. Вдруг он обратил внимание, что малыш ничего не делает. «Скорее всего, он не знает, как держать карандаш. Надо показать. Пусть хоть научится рисовать, чем сидеть без дела!» – подумал учитель и направился к мальчику. Каково же было его удивление, когда он подошёл и глянул на листок! Там была выведена целая строка аккуратненьких букв А, а на следующей строке было написано: «Кадим умеет читать и писать!» Учитель Юсуп, увидев говорящую на человеческом языке курицу, наверное, удивился бы не больше, чем сейчас! Что это? Откуда этот малыш умеет читать и писать? Да ещё на латинице! Юсуп не так сильно удивился бы, если б мальчик писал на арабском. Тогда можно было бы предположить, что мальчика научил отец. Даже среди деревенских людей, не говоря уже о городских, много мужчин, умеющих читать и писать на арабском. Всё-таки аж с десятого века, с тех пор, как Великая Булгария приняла ислам, татары пользовались арабским алфавитом. Большинство мужчин учились в медресе, умеют читать Коран. Но в 1928 году, шесть лет назад, татары перешли на латиницу, и грамотных, то есть читающих и пишущих на латинице, людей совсем не стало. Не то, что в глухой деревушке, даже в городах теперь умеющих читать и писать мало!

Постояв некоторое время в недоумении, учитель Юсуп, наконец, спросил: «Скажи, кто тебя научил читать и писать?» Услышав вопрос учителя, все ребята повыскакивали со своих мест, вытянув шеи, удивлённо рассматривали то, что написал Кадим.

« Не знаю!» – тихо ответил чуть не плачущий от страха и смущения мальчик, а потом, вдруг спохватившись, добавил: «Папа». «А твой папа, он что, умеет читать и писать и на арабском, и на латинице?» – спросил учитель у Кадима. «Да. И я – тоже!» – сказал мальчик, на мгновение подняв взгляд на Юсупа, видно, забыв на время про свой страх. Да-а, чудеса! А Юсуп решил, что он карандаш не умеет держать!

– А ещё что ты умеешь?

– Считать до ста, складывать и вычитывать.

На мгновение в классе наступила полная тишина. Решив, что учитель чем-то недоволен, мальчик торопливо добавил: «А ещё я умею рисовать лошадь...»

Учитель подумал немного, посмотрел на Салима и сказал: «Завтра приведи его снова. Приводи каждый день! Пусть учится, раз хочет».

Ну и ну! Родили же соседи этого Кадима на голову Салима!

Так шестилетний мальчик Кадим стал учиться в школе.

Букча для Кадима

В полдень учитель Юсуп отпустил учеников. Когда закончились занятия, он сказал мальчикам, чтобы мамы им сшили букчи для тетрадей и карандашей. Букча – это такой холщовый мешок. Ученикам надо будет выполнять домашние задания, для этого надо будет брать домой тетради и карандаши. По очереди детям учитель будет давать и книги. Поэтому им нужна букча! Учитель показал детям свой мешок. Сказал, что у них букча может быть чуть меньше.

Мальчики, изрядно уставшие от новых впечатлений и от усердия в овладении грамотностью, разбрелись по домам. Салим и Кадим тоже пошли домой.

Весть о том, что шестилетнего Кадима приняли в школу, по деревне распространилась быстро. Кто-то удивлялся, кто-то возмущался. Больше всех возмущались родители семилетних мальчиков: «Наших не взяли, а этого, такого маленького, взяли. Неправильно это. Несправедливо!» Ладно, был бы этот мальчик крупный и крепкий, как их сыновья. А ведь на вид этому Кадиму вообще четыре годика! Женщины собрались и пошли к учителю.

Юсуп остановился жить у старушки Камили на центральной улице.

Когда пришли женщины, учитель, сидя за столом, читал книжку. Увидев их, он встал, одёрнул рубаху и застыл. Он засмутился. Камиля с любопытством высунула голову из своего закутка, созданного ею в углу избы из занавесок.

Выслушав женщин, учитель спросил: «Умеет ли чей-либо сын читать и писать, как тот малыш?» Женщины потупились и молчали. «А вот этот мальчик умеет. Вообще-то я его определил бы во второй класс, если б у нас он был!» – сказал Юсуп. Женщины постояли молча, и пошли обратно.

А дома маленького Кадима мама потеряла. Куда он мог деться? Терпеливо ждала. Встретила его во дворе, встревоженная, со словами: «Где ты был?» «В школе!» – торжественно выпалил Кадим. Мама рассердилась: «Ты что, столько времени простоял под окном?» «Нет, я учился!» – гордо ответил мальчик. И рассказал маме всё, как было. Хатима не знала, радоваться ей или огорчаться, разрешить сыну ходить в школу или нет. Стала ждать возвращения мужа. Хази с утра ушёл к председателю колхоза решать какие-то вопросы, и сильно задержался.

Колхоз в деревне организовали три года назад. Зажиточные люди сильно сопротивлялись. Многих отправили в ссылку. Хази и его жена Хатима вступили в колхоз без сопротивления – всё равно было нечего тащить в артель, бедствовали. Кроме худой коровы в сарае – никакой скотины. Если у человека корова одна, её в колхоз не забирали. Земли у Хазия не было, кроме огорода возле дома. Однако в колхоз его приняли с великой радостью! Тому была серьёзная причина. Хази был мастером по изготовлению конской упряжи. Никто в округе не мог изготавливать такие хорошие сбруи, как он! Хази знал в них толк! Приспособления для изготовления, да и для починки, в деревне были только у Хазия. В том самом сарае, где жила корова, было много сырья для изготовления кожаных вещей. Для только что организованного колхоза, с большим количеством лошадей, что его приспособления для работы, что сам Хази были просто кладом!

Унаследовал это ремесло Хази у своего отца. Отец Хазия был знаменитым в округе шорником и обувщиком. Маленьким мальчиком Хази стал помогать папе. Отец передал ему все своё умение и все приспособления, что нужно для этого дела. Но разбогатеть на этом ремесле было нельзя. Заказов всегда было немного. Сделанные на совесть качественные сбруи служили подолгу, да и лошадей в деревнях не так много. Поэтому отец Хазия всё больше шил обувь. От отца Хазию досталось огромное количество колодок, которые он хранил в коробках в сарае. Хази тоже стал умелым обувщиком, вечерами шил сапоги зажиточным односельчанам, чтобы как-то выжить. Колхоз осенью выдавал так мало зерна и овощей, что на них прожить до следующего урожая было невозможно.

И всё-таки колхоз нашёл, что отнять у Хазия. На дворе стоял добротный каменный амбар. Его строил отец Хазия с сыновьями, когда те были ещё подростками, для тех самых орудий труда, которые необходимы в кожевенном деле. Зимой отец работал в доме, заноса в дом из амбара только самое необходимое. Но с наступлением весны уходил работать в свой амбар и находился там до поздней осени, пока не выпадал первый снег.

Амбар был сделан на совесть, двери были очень крепкие, обитые железом, не взломаешь, вот правление колхоза и решило, что амбар этот хорош для хранения урожая. Хазию велели освободить амбар в трёхдневный срок. Делать нечего, пришлось всё ценное перетаскивать в

сарай к корове, а не очень ценное – в поленницу. Так и повелось – уже третий год осенью колхоз закладывал в амбар пшеницу до весны, до посева. Само собой подразумевалось, что за целостность посевной пшеницы отвечает Хази – ведь амбар, хоть и не его теперь, а стоит на его дворе!

Хази тихо ненавидел колхоз, не верил в коммунизм, не верил ни слову из того, что говорили представители Советской власти. Также Хази ненавидел Советскую власть за то, что она была против Бога. За то, что закрыли мечеть, куда Хази ходил всю жизнь на пятничный намаз. Разрушили минарет и сделали в мечети клуб. За то, что богохульствуют денно и ночью. Хази был верующим человеком, читал пять раз в день намаз, не пропуская, соблюдал пост и старался жить по шариату. После установления Советской власти и наступления времени безбожия деревенские мужчины сплотились вокруг Хазия и Хурматуллы, друга Хазия. Муллы в деревне в последние годы не было, его с семьёй сослали в Сибирь. Было очень опасно не скрывать, что ты верующий человек, но Хази был человеком неробкого десятка. Молчать он тоже не любил, обычно высказывался открыто и прямо. Поэтому в деревне у него были недоброжелатели. Они бы с радостью избавились от него, но колхозу нужен шорник: кто починит упряжи, если порвутся? К тому же, все до единого члены правления колхоза ходят в сапогах, пошитых Хазием. Да и нет за ним особых грехов, кроме как верующий. Поэтому пока Хазия никто не трогал. Пока.

Наконец, Хази вернулся домой. Жена положила ему и Кадиму еду, дала им ложки, по куску хлеба и сообщила Хазию новость: «Нашего сына приняли в школу». Отец сначала удивился, а потом очень обрадовался! Стал расспрашивать, что и как. Кадим с удовольствием рассказал. Мама улыбалась. Выслушав сына, папа сказал: «Ну, сынок, тогда я сделаю тебе подарок. Я сошью тебе букчу из кожи!» А потом добавил задумчиво: «И сапоги к зиме тебе надо сшить! Негоже сыну сапожника ходить в школу в лаптях!»

Отец сходил в сарай, принёс всё необходимое и принялся за работу. До ночи работал, не поднимая головы. К ночи букча была готова. Хази не остановился на сделанном, зажёл керосиновую лампу и допоздна украшал букчу узорами. Кадим лежал на лавочке, не спал. Всё смотрел, как папа работает. Когда он закончил, Кадим выскочил из-под тулупа, под которым обычно спал, и подошёл к отцу, чтобы посмотреть, что получилось. Букча была сказочно красива! Мальчик долго вертел её в руках, представляя, как он завтра с ней пойдёт в школу. Его радости не было края.

«Учись, сынок! Учиться – это счастье!» – сказал отец, убирая свои приспособления и радуясь вместе с сыном.

Утром, когда Кадим вышел за ворота, Салим его уже подждал. Он нетерпеливо топтался возле ворот Кадима. Ему хотелось побыстрее похвастаться своей новой холщовой букчей. Мама сидела весь вечер – сшила ему красивый мешок из куска новой ткани. Не из старья какого-нибудь, а из новой ткани! Так хотелось, чтобы все побыстрее увидели его новенькую прекрасную букчу! Но, увидев Кадима, он даже рот открыл от удивления. Кадим был в новых штанишках, в новой рубахе. Правда, босиком. Но, самое главное, в руках у него была самая настоящая кожаная сумка для книжек и тетрадей, украшенная узорами, просто сказочная букча!

Вот что значит быть сыном кожевника!

Хази

Учителю пришлось Кадима пересадить за первую парту и давать ему отдельные задания. Почти каждый день Юсуп приносил ему новые книги. Мальчик читал их в классе, а потом уносил домой в своей красивой букче. Очень быстро возвращал их обратно учителю. У Юсупа возникли сомнения: читает ли их мальчик, или возвращает, рассмотрев рисунки? Как-то учитель попросил пересказать Кадима содержание одной книги. Каково же было его удивление,

когда мальчик стал рассказывать текст так, как будто он читал книгу, как показалось Юсупу, дословно! Учитель быстро открыл книгу и стал следить глазами, насколько точно Кадим передаёт текст. Расхождений почти не было! У мальчика была прекрасная память! В очередной раз удивившись, Юсуп решил давать ему те книжки, которые привёз для себя: пусть читает!

Наступила поздняя, холодная осень. Кадиму папа к этому времени сшил сапоги. Прекрасные маленькие сапожки. Как игрушечные, только настоящие! Мало кожаной букчи, теперь ещё и сапоги! Многих деревенских это злило. У большинства деревенских взрослых мужчин, отцов больших семейств, не было кожаных сапог. Ходили в лаптях. А тут у такого сосунка – кожаные сапоги! Судачили: совсем обезумел Хази от счастья, что у него сын такой одарённый. Но при нём помалкивали: ну его. С ним лучше не связываться: язык у него острый, скажет, как отрежет. В ответ ничего и не придумаешь. А мальчик-то его и вправду хорош! Недаром тринадцатый ребёнок в семье! Единственный выживший! Поэтому некоторые были к Хазию снисходительны: пусть изощряется старик, его понять можно.

Ближе к зиме из райцентра приехали на тройке лошадей в деревню сотрудники НКВД. Они забрали старика Хурматуллу. Приехали, скрутили руки, посадили на тарантас между двумя сотрудниками и увезли. Деревенские люди говорили: за то, что он читает намаз. Нельзя! Запрещено! Ходили слухи, что как-то кто-то проходил мимо дома Хурматуллы вечером, увидел в окно, что тот при лучине совершает сажду, повернувшись к кыйбле. Значит, читает намаз. Вот и доложил органам. Понятно, что доложивший имел обиду на Хурматуллу. Где-то пересеклись интересы, или это просто месть. А может, по злой воле случая, кто-то из краснозых проходил мимо окон Хурматуллы. Теперь этого не узнаешь.

Хази задумался. Хурматулла был другом и единомышленником. Так могут и Хазия забрать. Ведь он тоже на дню пять раз читает намаз. Стали думать с женой: как себя обезопасить? Хорошо бы на окна повесить что-нибудь, чтобы с улицы не было видно, что делается в доме! Но нельзя. Ни у кого на окнах нет занавесок. Разве только у самых зажиточных. Повесив занавески, ещё больше подпадёшь под подозрения. Думали-думали и решили: отныне Хази будет читать намаз сидя на стульчике, повернувшись лицом к кыйбле. Если кто-то, проходя мимо окна, увидит Хазия сидящим на стуле, ничего страшного. Просто сидит и сидит. Это безопасно. А за то, что нарушает установленный Богом порядок – читает намаз не по правилам, Хази попросит у него прощения. Бог простит его, ведь Хази – не от хорошей жизни!

Конечно, если кто-нибудь захочет заложить Хазия, найдёт, что рассказать. Например, что он на похоронах деревенских людей читает дженаза. Интересное дело, власти старательно выбивают из живых людей веру, но ничего не имеют против, если умершего хоронят по мусульманским правилам. Если, конечно, без лишнего шума. Коммунистов хоронят в гробах, уже в мусульманском кладбище несколько деревенских коммунистов похоронили. На могилах ставят не полумесяц, а звезду! В первое время односельчане ужасались: как это человека, пусть даже бывшего, но – мусульманина, в ящике хоронить? Как такое можно? Ходили смотреть на похороны, как на представление. Потом немного привыкли. Перестали вслух осуждать тех, кто хоронит своих родственников в гробу, но сами не соглашались хоронить своих близких таким странным способом! Так и повелось: кого хоронят в гробу, а кого – в саване. Кого в гробу – торжественно и громко, кого в саване – тихо и скромно. Помоют, заворачивают в саван, почитают суры из Корана, мужчины тихо относят на кладбище и закапывают. Власти как будто ничего не замечают.

Мало того, тут коммунист и советчик Шайхулла, когда умерла мать-старуха, прибежал к Хазию с просьбой: «Помоги проводить в последний путь мою мать, Хази абзый!». Не откажешь в таком вопросе. Проводили. Вот тебе и коммунист! Чего ж мать не хоронит по-советски – в ящике, раз не верит в Бога? Когда суру «Ясин» читали, Шайхулла ладони перед лицом держал, как мусульманин, и губы что-то шептали. Молился, что ли? Что это было? Как не испугался,

что доложат? Или в те мгновенья ему было всё равно? Ведь уж кого-кого, а его могут наказать за это дело очень строго, строже, чем других.

Иногда советские начальники вели себя непонятно. Хурматулла, ещё до того, как его забрали, как-то разоткровенничался с Хазием и признался ему, что председатель колхоза, перед тем как отправить дочь в ЗАГС, втихаря пригласил Хурматуллу почитать никах. Вот тебе раз! Какой никах, он же коммунист и ярый атеист! Запутались они, бедные коммунисты, вынуждены лицемерить и перед Богом, и перед Советской властью! Не позавидуешь им!

Но, тем не менее, народ постепенно отдалялся от Бога. Это Хази видел очень отчётливо. Пока в двух случаях люди никак не могли обойтись без муллы: когда женились и когда умирали. Иногда просили благословения Бога, давая имя новорожденному. Но всё делалось в тайне, украдкой. Кроме похорон, конечно.

Когда забрали Хурматуллу, деревенский люд стал во всех делах, где нужен посредник между Богом и людьми, то есть мулла, обращаться к Хазию. Это было опасно. Но отказывать было нельзя. Хази считал, что он обязан помогать односельчанам. Тем более, подросшее безбожное поколение не знало, как быть в тех случаях, когда умирал родитель – мусульманин. Сердце у Хазия щемило, когда такие горе-комсомольцы растерянно шевелили губами, стоя с ним рядом, с молящимся, возле своего умершего родителя, держа ладони перед лицом, подражая Хазию. Что они шептали? К кому обращались? Что с ними-то будет, когда состарятся?

Хази сам встал на намаз в возрасте 8 лет. К этому времени он уже знал наизусть многие суры из Корана. Его отец был не только кожевенных дел мастером, но и муллой, очень уважаемым человеком во всей округе. Семья у отца была большая, многодетная. Не жили богато, но и не бедствовали. Отец мечтал кого-либо из сыновей отправить в хадж. Каждый мусульманин, если только у него есть возможность, должен совершить хадж – посетить Мекку. «У самого не получилось, так хоть бы одного сына отправить!» – мечтал отец. И такое счастье выпало его сыну Хазию – он совершил хадж.

Весной 1905 года двадцатидвухлетнего Хазия семья стала готовить в путь. Нужны были деньги. Отец отдал все свои сбережения, которые он копил для этого случая всю жизнь. Но денег всё равно было мало, потому что предстоял очень длинный и трудный путь, полный опасностей. Продали удел земли и лошадь, кое-что по мелочи. Решили, что этого достаточно: если Бог посчитает нужным, сын совершит хадж и вернётся. Если сгинет, значит, на то Божья воля. Вместе с двумя мусульманами из соседних деревень Хази ранним летом отправился в Мекку.

Много всего пришлось пережить Хазию во время этого путешествия, много чего он увидел, узнал. Отправившись с двумя земляками, через год вернулся один. Те двое погибли в пути. Обросший, исхудавший до неузнаваемости, в отрепьях вместо одежды, он из последних сил добрался до родного дома.

Его возвращению в родной дом радоваться было некому. Отправив младшего сына в хадж, отец и мать тихо и быстро умерли, как будто это было их последним желанием в этом мире. Некому было радоваться тому, что Хази стал хаджием! Ведь тот, кто совершил хадж, получает почётное звание «хаджи»!

Как только вернулся Хази, старший брат Абдулла со своей семьёй стал готовиться отделиться. По древнему обычаю, дом принадлежал младшему брату – Хазию.

Оставшись один в доме, Хази женился на девушке с соседнего переулка, на которую глаз положил ещё до отправления в хадж.

Как бы это было не рискованно, хаджи Хази не мог отказать в просьбах односельчан совершить какой-либо мусульманский обряд. Каждый раз, перед тем, как отправиться по вызову, Хази садился на стульчик и молился. Он просил Бога о том, чтобы Бог поступил так, как посчитает нужным.

Хатима

У Хазия был тайный грех. Никому, никогда он о нём не говорил. Но сам никогда о нём не забывал и во время молитвы всегда просил Бога простить его за этот грех. Самое главное, грех был не в прошлом. Он был в настоящем. И, возможно, он будет грешен перед Богом и в будущем, до смерти. До судного дня. Хази ничего не мог поделать, чтобы избавиться от этого греха. Он продолжал грешить. Грех был такой – Хази очень любил свою жену. Любить жену ислам не запрещает, это даже хорошо, похвально. Но, как известно Хазию, ислам утверждает, что больше всего мусульманин должен любить Бога, а потом – родителей, жену, детей. Хази же точно знал, кого он любит больше всего на белом свете. Больше, чем Бога. Больше, чем свою жизнь. Дороже всех и всего ему была Хатима, его жена.

Хатима росла через улицу. Хази не помнит, когда в неё влюбился. Он всегда знал об их семье всё, как все деревенские – обо всех. Ну и росла в этой семье одна девчущка, и Хазию не было до неё дела. Но, надо сказать, до всей семьи дело было. Очень интересовала его эта семья. Просто все они, все члены этого семейства, сильно отличались от остальных деревенских. Все они были очень светловолосы и голубоглазы. Были, конечно, в деревне ещё светловолосые и светлоглазые люди, ну эти уж очень были белобрысы. К тому же их голубые глаза были такие большие, на поллица, издали как будто кричали: «Смотрите, мы голубые, а не карие, и не зелёные, и не чёрные, как у вас! Мы – голубые!» К тому же ресницы и брови у членов этого семейства были гораздо темнее, чем волосы. То есть волосы светлые, а ресницы и брови – тёмные. Поэтому эти люди были очень красивы. Хази всегда с интересом всматривался в лица членов этой семьи, и нет ничего удивительного, что как-то всмотрелся и в неё, Хатиму.

Когда Хази был уже взрослым парнем, Хатима была ещё четырнадцатилетним подростком. Ходила без платка. Заметил Хази как-то, что красивая девчущка растёт. Длинные косы цвета зрелой пшеницы, большие голубые глаза, окаймлённые густыми тёмными ресницами, прямой маленький носик, нежные губы. Заметил один раз, и забыл. Через какое-то время опять заметил, отметил про себя: «Растёт. Красивая девушка будет!» и опять забыл. И так многократно. А потом, увидев в очередной раз, уже в платке, влюбился. Втайне стал мечтать, что женится на ней. Но были большие сомнения, что девушка достанется ему. У отца Хазия и в мыслях не было, чтобы женить младшего сына. Он мечтал о том, что младшенький совершит хадж. И Хази готовился. Вся семья готовилась к этому событию. Брат Абдулла не мог отделиться, пока Хази не вернётся – не было никакой уверенности в том, что он вернётся живым. Копили деньги, покупали Хазию одежду, сшили две пары сапог. В общем, готовили к путешествию. Как тут заговоришь о женитьбе?

Хази так и ушёл в Мекку, не поговорив ни разу со своей любимой девушкой. Знала ли она, что Хази влюблён в неё? Догадывалась, наверное. Потому что, когда молодые случайно встречались на улице, во все глаза смотрела на Хазия, нисколько не смущаясь и не стесняясь. В огромных голубых глазах, обычно немного грустных, при виде Хазия вспыхивали огоньки радости! Лицо становилось сияющим! Это Хази заметил! А ведь по шариату девушка должна проходить мимо мужчины, потупив взгляд! Посмотреть в глаза мужчине – грех! Оба это знали, а вот нарушали правила!

В путешествии Хази после каждого намаза молил Бога сохранить эту девушку ему. Вернувшись домой, первым делом спросил у родных, не выдали ли Хатиму замуж. Оказалось, не выдали. Немного придя в себя после мучительного похода, Хази послал свата в дом Хатимы. Родители девушки не возражали. Почитали никах, и Хази оказался женатым человеком.

Хатима оказалась очень тихой и скромной девушкой. Мужу не перечила, выполняла все домашние работы умело и быстро. Помогала Хазию, когда муж работал дома. Особенно много времени они проводили вместе поздней осенью и зимой. Муж готовил на заказ сбруи, шил сапоги, а Хатима сидела рядом. При тусклом свете керосиновой лампы Хатима обычно сидела

рядом на стуле: шила, вышивала, пряла. Иногда, прижав тонкие пальцы правой руки к губам, как будто запрещала себе что-то говорить, подолгу молча смотрела на то, как работает муж. Хазию нравилось, что она рядом. Ему всё в ней нравилось: как она двигается по дому, как в задумчивости пальцы прижимает к губам, как улыбается застенчиво, как будто считает, что улыбаться – грех, да вот ей не удержаться. Его умиляло, как она зевает, как боится мышей и крыс, как высовывает кончик языка вправо, когда требуется особое усердие в работе. Ещё ему очень нравилось, что она краснеет каждый раз, если только муж подольше остановит на ней взгляд. Она вообще легко краснела. Ему нравилось то, что ей нравится сидеть рядом. Она не просто сидела, она радовалась тому, что они вместе, любовалась им. Он знал это. До него от неё доходили какие-то приятные, тёплые волны, он это чувствовал. От этого он был счастлив. Ещё старательнее работал. Молчал. Думал про себя, что очень постарается, чтобы Хатима была счастлива. Казалось, что так и будет. Что может помешать их счастью? Вот скоро ребёнок у них будет! Всё у них хорошо: есть дом, есть ремесло, они любят друг друга. Что ещё надо?

Через год после женитьбы Хатима родила мальчика. Ребёнок родился болезненным, слабым. Прожив месяц, вконец замучив Хазия и Хатиму, умер. Тяжело было молодым родителям. Смирились. Бывает такое, что сделаешь? Стали жить дальше. Только Хатима стала немного печальная, улыбалась реже и ещё более застенчиво, чем раньше. Хази заметил это, его сердце переполнялось жалостью к этому хрупкому безропотному существу. Старался быть нежным и внимательным. И снова родился в семье младенец. Снова – мальчик. Этот был здоров и крепок. Родившись, закричал громким истошным голосом, с жадностью хватал грудь. Хорошо спал, хорошо ел, хорошо рос, радуя счастливых родителей. Но прожил всего два месяца. Сгорел за один вечер непонятно от какой хвори. Плакали Хази и Хатима, но не роптали. Роптать, значит, проявлять недовольство Богом. Этого они позволить себе не могли.

Чтобы отвлечь жену от грустных мыслей, Хази предложил Хатиме научить её грамоте. Стал учить читать. Хатима оказалась очень способной ученицей. Она научилась читать Коран, прочитала те несколько книг, что были куплены у Хазия. Когда поехал на ярмарку за кожей, Хази привёз жене ещё несколько книг. Деревенские люди, узнав об этом, качали головами: многодетным семьям есть нечего, а эти позволяют себе баловаться книгами! Кто удивлялся, кто осуждал, а кто завидовал! Люди судачили. Но этого оказалось достаточно, чтобы люди стали приносить в дом Хазия книги, которые у них лежали дома. Кто – за небольшие деньги, кто – за починку сбури, кто – за крупу. У Хазия и Хатимы крупа была – ртов всего два, не десять, как в некоторых многодетных семьях. Чаще всего приносили Коран, иногда – очень древние книги. Хази и Хатима не отказывали продавцам. Всё брали. Книг стало много. Хатима и Хази зимними вечерами читали. Это отвлекало от горя, да и интересно было. Им нравилось узнавать что-то новое.

Весть о том, что Хази выкупает книги, дошло и до соседних деревень. Люди, кто вынужденно – из-за голода, кто – за ненадобностью, продолжали приносить разные книги. Встречались книги и на русском языке. Как они попали в малограмотные татарские семьи – одному Богу ведомо. Некоторые были очень красочные, с иллюстрациями. Очень хотелось их прочесть. А никак! Хази неплохо знал русский язык, научился, когда совершал хадж. А вот читать по-русски не умел. В деревне никто не умел! Хази решил научиться. Задержался после весенней ярмарки на несколько дней у приятеля. Договорился с одним учителем, стал ходить к нему домой учиться.

Учитель, конечно, он кяфер, то есть не мусульманин, но ведь Хази у него только буквы узнаёт! Запомнил буквы, заплатил за обучение и уехал на лошади домой.

Дома вечерами кое-как научился читать. Стали с женой вместе читать русские книги. Хази переводил жене. Рассматривали рисунки, обсуждали.

Не знали ещё тогда Хази и Хатима, какие им предстоят испытания. Всего двенадцать детей похоронили они за два десятка лет. Двенадцать несбывшихся надежд. Двенадцать тру-

пиков. От этого можно было сойти с ума. Но Хазию помогала вера. Он искренне, всей душой, верил в то, что ничто в этом мире не случайно. Если Бог даёт им такое испытание, значит, они должны всё это вынести. Было тяжело, но терпел. Он – мужчина. Он должен быть сильным. И удивлялся: как выдерживает столько горя такая хрупкая женщина, как его жена? Конечно, он поддерживал её, как мог. Они не ссорились. Бывало, что оба по нескольку дней молчали, потом всё как-то само собой проходило. Но никто не повышал голоса, никто никого не унижал. Жили дружно. Каждый раз, как только жена беременела, появлялась надежда на счастье, она росла с каждым днём, крепла с рождением и с ростом младенца. А потом случалось горе. Случалась смерть. Хатима терпела. Только становилась всё более молчаливой. Глубокие складки легли по уголкам губ. Всё реже смотрела в глаза другим, даже при разговоре, как будто испытывала чувство вины перед людьми. С каждым наступившим горем у Хазия в душе увеличивалось чувство жалости к жене. Была ли это жалость? Нельзя человека всё время жалеть. Жалость – чувство преходящее. Оно «остывает». Притупляется. А у Хазия чувство к жене не притуплялось. У него это щемящее чувство не проходило, а только росло. Поэтому Хазии решил, что это любовь.

За это время, пока Хазии и Хатима переживали личное горе, страну тоже колотило от бед и горя. Началась и закончилась война с Германией, случилась революция, установилась Советская власть. Был неурожай и голодный мор, в деревне прошли раскулачивание и высылка зажиточных односельчан в Сибирь, и, наконец, был создан колхоз в деревне.

Хатиме исполнился сорок один год. Самому Хазию шёл сорок шестой. Хазии и Хатима оставили надежду иметь детей. Жили себе и жили, ибо надо прожить тот срок, который тебе отпущен Богом. Когда Хатима забеременела, ни муж, ни сама она не обрадовались. Подумали только: оказывается, испытания ещё не закончились. Но всё-таки в душе, не сразу, но постепенно, затеплилась маленькая, совсем крохотная надежда: а вдруг этот выживет? Так родился Кадим. Красивый мальчик с голубыми глазами, как у мамы. А родители в тупом отчаянии стали ждать смерти ребёнка. Невольно гадали: что случится на этот раз? Но как же хотелось, чтобы он жил! Родители молились, прося у Бога жизни для мальчика. А мальчик и не умирал. Прошёл месяц, два, три. Мальчик жил. Рос. Надежда родителей росла вместе с мальчиком. Прошёл год. Надежда крепла. Но страх оставался: до этого были у них случаи, что ребёнок умирал, дожив до полутора лет. Годик – это ещё не показатель.

Кадиму исполнилось полтора года, он стал что-то лопотать на своём языке. Мадьчик рос! Хатима иногда стала улыбаться, глядя на своего малыша. За многие годы Хатима улыбалась! Хазии плакал, пряча слёзы, увидев на её лице улыбку, и горячо благодарил Бога за его милость.

Чем старше становился ребёнок, тем светлее становилось лицо жены, тем светлее становилось на душе у Хазия. Хазии любил сына. Но больше всего на свете он любил свою жену, эту бедную страдальицу, Хатиму.

Кадим и Салим

Осень прошла. Наступила зима, многоснежная, красивая. Почти все мальчики научились читать по слогам, а Салим никак не мог запомнить все буквы. Он запомнил только три. Ему учёба давалась нелегко. С арифметикой дела обстояли не так плохо: с помощью своих пальцев Салим научился складывать и вычитывать в пределах десяти, а вот с буквами была просто беда. На уроках русского языка он тоже просто сидел, как чурбан. Для того, чтобы научиться русскому языку, надо было в первую очередь запомнить буквы. Мальчики тихонько посмеивались над Салимом. Кадиму было обидно за друга. Надо было что-то сделать, как-то помочь другу. Как-то он сидел дома за столом, глядя на алфавит, написанный им самим, и мучительно думал о том, как сделать так, чтобы Салим запомнил буквы. Вдруг его осенило: а что, если к буквам пририсовать что-то смешное? Выбрал несколько букв, к которым можно легко что-

либо пририсовать. Каждую из них нарисовал на листочке отдельно, а потом стал придумывать. К одной добавил усы, к другой – хвостик, как у зайца, к третьей – растопыренные уши.

А тут и Салим явился – он каждый день заходит к Кадиму уроки делать. Считалось, что он приходит выполнять домашние задания. На самом деле сидел и смотрел, как Кадим пишет, и тяжело вздыхал. Вот и сегодня пришёл.

Кадим показал ему по очереди буквы-рисунки. Салим от души смеялся, рассматривая буквы. «Запомни, у какой буквы – что!» – повторял Кадим и показывал картинки много раз. Салим легко запомнил, у кого что нарисовано. А потом уже и без ушей и хвостиков эти буквы стал узнавать. Надо же, запомнил! Радости салима не было края. Никак не мог поверить, что он узнаёт эти буквы, и заставлял Кадима ещё и ещё раз показывать ему листочки и спрашивать, что за буква. Стал просить, чтобы Кадим и к остальным буквам что-либо приделал. Ему не терпелось научиться читать. Но Кадим сказал, что пока больше ничего не придумал. Он и вправду ничего не придумал. Ведь надо, чтобы было смешно. Чтобы запоминалось. Но теперь Кадим точно знал, как помочь другу.

В следующий раз он превратил несколько букв в сову, таракана и змею. Салим опять запомнил. Путался немного, но постепенно запомнил. Прыгал от счастья. Вот же, оказывается, он тоже может запоминать! А то все уже решили, что Салим глуп! Отец недоволен им, всё Кадима ставит в пример, и сёстры обзывают всякими обидными прозвищами.

Через две недели Салим знал все буквы. Стал читать по слогам простые слова. Наконец-то стал, как все. Это было счастье. Кадим тоже был рад. Теперь можно было по-настоящему делать уроки вместе. А потом с лёгким сердцем идти гулять. Кататься с горки на огромных санях. Но Салим теперь идти на горку не торопился. Видно, он, когда не умел читать, так завидовал ребятам, так сильно страдал, что теперь готов был сидеть часами и читать. Всё водил пальцем по книге и складывал буквы в слоги. Проявлял упорство. Кадим и не тащил его насильно. Он сам тоже любит читать. Только его книги потолще. В последний раз учитель дал ему книгу про путешествия Робинзона Крузо. Какие уж тут катания с горки, когда у тебя такая интересная книга в руках! И Кадим читал. Он бы и ночью не ложился, но папа тушил лампу. В темноте читать было невозможно – не видно букв. Приходилось терпеть.

Весной в классе ребят поубавилось – многие ушли на полевые работы. Двое мальчишек ушли пасти деревенское стадо. Салим и Кадим продолжили учёбу до мая. В мае и они перестали ходить в школу, потому что надо копать огород, помогать родителям по хозяйству. Можно было до осени забыть про книги и про учёбу, что некоторые и сделали. Но Салим и Кадим уже полюбили чтение. Им не хотелось расставаться с книгами. Тем более, их у отца Кадима было много. Читай, сколько хочешь. Теперь мальчиков ругали за то, что они читают, вместо того, чтобы заниматься домашними делами. Поэтому приходилось прятаться. Сделал, что просят, и спрятался. Читаешь до тех пор, пока не найдут, навесят тумачков и дадут следующее задание. Быстренько бежишь выполнять. Сделал, что надо, и опять читаешь. Лучше всего под это дело подходит сеновал. Там и книгу легко можно спрятать – в сено. Не промокнет, если дождь пойдёт. И лежать можно, когда читаешь. Красота! И, самое главное, мама обычно в сеновал не поднимается, а только голову просовывает в дыру, встав на лестницу, когда ищет тебя. Увидев Кадима на сеновале, только ругается, а дать подзатыльник не может – не достать. К тому времени, когда спустишься с сеновала, она уже остыла. Тем более, сын имеет виноватый вид и выражает полную готовность выполнить её задание. И выполняет. А потом – опять на сеновал. Или – за амбар. Там тоже есть подходящее укромное место.

Иногда мальчиков отпускали на речку. Салим хорошо плавал, его научил отец. «Вот бы научиться плавать, как Салим!» – часто думал Кадим, перебирая руками по каменистому дну реки возле берега и громко шлёпая ногами по воде. Со стороны, как думалось Кадиму, ни у кого не возникало сомнений в том, что он плывёт. Просто плавает у самого берега. Но самому

отчаянно хотелось заплывать так же далеко, как Салим, широко разбрасывая руки, как настоящий мужчина! Но Кадим не знал, как научиться этому непростому делу.

Как-то Салим предложил научить его плавать. Кадим с радостью согласился. Салим затащил Кадима на себе довольно глубоко и сбросил в воду. Сам уплыл. Кадим стал отчаянно барахтаться. Уходил на дно, захлебываясь. Наглотался воды, стал тонуть. Тут подплыл Салим. Схватив его за руку, потащил к берегу. Обрадовался Кадим, что не утонет, успокоился и стал грести руками. Удивился, что вода держит, если не барахтаться. Крикнув другу: «Отпусти! Я сам!», – раскинул руки и лёг звёздочкой, опустив лицо в воду и разглядывая широко открытыми глазами камни на дне. Это было удивительно – он не тонул! Вода держала! Научил-таки, Салим Кадима плавать!

Прошло лето. Стремительно приближался новый учебный год. По деревне распространился слух, что приехала новая учительница по имени Джихан. Говорили, что она коммунистка. Мальчиков второго класса будет учить она. А первоклассников будет учить Юсуп абый. Для новеньких правление колхоза выделило избу недалеко от настоящей школы. Мальчики уже свыклись с тем, что дом Хисматуллы – это их настоящая школа. Также в их представлении только Юсуп абый был настоящим учителем. Они никак не могли представить себя учениками другого учителя, да к тому же какой-то женщины. С волнением стали ждать наступления первого сентября.

«Враг народа» Хази

В последних числах августа поздно вечером, когда во многих домах уже люди легли спать, к воротам Хазия и Хатимы подъехала пара лошадей с тарантасом. Хази услышал звук остановившейся повозки, храп загнанных лошадей. Сердце ёкнуло. Понял – это за ним. Не стал подходить к окну. Не стал подниматься со стула, продолжая сидеть. Страх затмил сознание. Задрожал всем телом. Неторопливо оглядел всё вокруг. Понимал, что в последний раз видит свой дом, жену Хатиму, сына Кадима. Хатима тоже насторожилась и с тревогой смотрела на Хазия своими всё ещё огромными и всё ещё красивыми голубыми глазами. Острое чувство жалости к ней пронзило сердце Хазия. Как мало было радости в её жизни, и как много горя! Как часто бедная женщина расставалась навсегда со своими любимыми людьми! Сейчас ей предстояла очередная разлука – на сей раз с мужем. Сможет ли она вынести это горе?

Кадим ничего не услышал, увлечённый делом. Он что-то мастерил ножом из дерева в углу, недалеко от отца. Кончик языка высунут, точь в точь как у матери. Его семилетний сын. Кто знает, что с ним будет, когда заберут Хазия? Сможет ли он выжить в этом страшном мире? И на что будут жить эти двое, когда заберут Хазия? Хатима не может работать на колхозном поле – здоровье у неё плохое, да и старенькая она, а Кадим ещё слишком мал. От чувства безысходности Хази низко опустил голову и замер.

В сенях загремели. Широко распахнулась дверь. Зашли трое. Все трое с оружием, отметили про себя Хази. Не поздоровались. Встали в дверях, широко расставив ноги. Один достал из кармана бумажку и стал читать. Это было постановление на арест. Хазия обвиняли в антисоветской пропаганде. Тот самый, кто читал бумагу, велел одеться. Хази неловко поднялся. Стул с грохотом упал набок. Застывшая от ужаса Хатима закричала и бросилась к мужу. Но один из мужчин ловко перехватил её и грубо толкнул к печке. Хатима отлетела и как бы прилипла к печке. Так и стояла, прижав расставленные в стороны руки к печке и глядела на всё происходящее широко раскрытыми глазами. Хази посмотрел на сына. У Кадима в глазах был страх. Он застыл с ножиком в руке. Тот юркий мужчина быстро подбежал к мальчику и выбил из его рук ножик. Он полетел куда-то в угол.

Хази медленно пошёл одеваться. Надел бишмет, нахлобучил на голову шапку. Один из мужчин завязал ему руки сзади. В это время Хази долгим взглядом посмотрел на жену, а потом – на сына. Знал, что прощается с ними навсегда. Двое мужчин с двух сторон схватили Хазия

и стали тащить к выходу. Тут тот самый юркий мужчина подскочил к тому, кто зачитывал бумажку и спросил, сощутив глазки: «А книги?» «Вот ты и вынесешь!» – ответил мужчина, и вытолкнул Хазия на улицу. Взяв с двух сторон под руки, Хазия повели к тарантасу. Сначала забрался один из мужчин, потом велели забраться Хазию. С завязанными руками забираться на тарантас было трудно. После двух неловких попыток, получив прикладом по голове, Хази всё-таки забрался. Последним на тарантас забрался мужчина, читавший бумагу. Хатима и Кадим вышли к воротам и молча встали. Юркий мужчина вынес в охапке книги из дома и кинул их под ноги трёх мужчин, на дно тарантаса. Потом он ещё раз побежал в дом. Вынесенные книги снова бросил тут же. Побежал снова. Бегал туда и обратно до тех пор, пока не вынес все книги. Пока не завалил ноги мужчин в тарантасе. Потом сам запрыгнул на козлы, и тарантас резко дёрнулся. Зажато между двумя мужчинами в тесном тарантасе Хазию не удалось ещё раз, совсем уж в последний раз, глянуть на жену и сына – на самых близких и дорогих людей на свете. Он опустил голову на грудь и беззвучно заплакал. Молиться не хотелось. Да, теперь у него, наверное, будет достаточно времени для молитв.

Хатима и Кадим долго стояли у ворот. Не могли поверить, что всё это произошло наяву, с ними. Не понимали, что это было. Не знали, что им теперь делать. Совсем стемнело, а они продолжали стоять. Горе и отчаяние сковали их. Но вечно так стоять нельзя. Живые люди рано или поздно возвращаются в настоящую действительность, как бы не было велико их горе. Первым пришёл в себя Кадим. Он подошёл к маме, обнял её и громко заплакал. Хатима, обняв мальчика, увела в дом. Ворота остались открытыми. Через какое-то время их закрыл кто-то из подсматривающих в щели заборов соседей. Возможно, им было жаль Хатиму и Кадима. Это была их помощь. Но, возможно, ворота закрыли из-за того, что деревенские люди терпеть не могут, когда они остаются на ночь открытыми. Непорядок!

Хатима и Кадим лампу зажигать не стали. И спать не ложились. Сидели всю ночь на сундуке у двери, крепко обнявшись. Кадим плакал. Хатима гладила его по голове и молчала. Она перебирала в уме события своей жизни. Спрашивала невидимого Бога: не слишком ли много испытаний за такой небольшой срок, как её жизнь? Но внутри кто-то строго сказал: «Нельзя роптать на Бога!» Хатиму этот голос только подстегнул: «Не слишком ли много испытаний на меня одну?» На сей раз голос молчал. Тогда Хатима сказала тому невидимому: «Бог, я больше не верю, что ты есть! Если б ты был, ты не мог бы быть таким жестоким. Я больше никогда не буду молиться тебе. Накажи меня, если хочешь, за это. Я уже столько вынесла, что ничего не боюсь! Ты не сможешь мне доставить больше боли, чем я вытерпела. Я теперь – безбожница!»

Высказавшись беззвучно, немного успокоилась. Хотелось рыдать в голос, кричать, что есть сил, упасть на пол, бить руками и ногами, колотить всё, что подвернётся под руку. Но этого делать было нельзя. Рядом сидел Кадим, крепко прижавшись к маме. Нечего ребёнка пугать. И Хатима терпела.

Под утро Кадим уснул. Хатима переложила ребёнка на лавочку и сама, упав тут же на пол, разрыдалась.

С этого дня деревенские люди, даже соседи, перестали заходить в дом Хазия. Они теперь обходили его дом. Даже родственники перестали навещать Хатиму и Кадима. «Хази – враг народа, он был против Советской власти. Так будет со всеми теми, кто ведёт антисоветскую пропаганду!» – объявили на собрании члены правления колхоза деревенским людям. Счетовод объявил, остальные кивали. На этом собрании Хатима сама не была. Она никогда в жизни ни на какие собрания не ходила. Ей об этом через забор шёпотом рассказала мама Салима Мафтуха апа, поздно вечером подозвав к забору вышедшую на двор женщину.

Салим теперь тоже не заходил к Кадиму.

– Вашего уже забрали. Его не вернёшь. А так, чего доброго, и нашего заберут. Поэтому уж вы не сердитесь. С вами теперь опасно общаться, – шёпотом говорила в щель Мафтуха.

Хатима молчала. Да. Опасно. И нечего людей подвергать риску. Ну что ж, будут жить одни, ни с кем не общаясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.